

Александра Маринина

Ну, ребята, вы попали

*Часть сборника
Комедии (сборник)*

Комедии

Александра Маринина
Ну, ребята, вы попали

«Автор»

2001

Маринина А.

Ну, ребята, вы попали / А. Маринина — «Автор»,
2001 — (Комедии)

«Действие происходит в квартире Емелина. Евроремонт, евродизайн, огромная гостиная, в глубине которой находится кухня, отделенная барной стойкой. Из комнаты выходят две двери – в спальню и в прихожую. В центре – стол, вдоль стены – мебельная стенка с секциями и открытыми полочками, на полочках – безделушки, вазочки, фигурки и прочая дребедень...»

© Маринина А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Маринина

Ну, ребята, вы попали!

Черная комедия в 1-м действии

* * *

Действующие лица:

Дух Емелина (45 лет)

Ольга, его вторая жена (32 года)

Наталья, его первая жена (50 лет)

Скуратов, его партнер по бизнесу (35-36 лет)

Голоса врачей

Голос мужчины по телефону

* * *

Действие происходит в квартире Емелина. Евроремонт, евродизайн, огромная гостиная, в глубине которой находится кухня, отделенная барной стойкой. Из комнаты выходят две двери – в спальню и в прихожую. В центре – стол, вдоль стены – мебельная стенка с секциями и открытыми полочками, на полочках – безделушки, вазочки, фигурки и прочая дребедень.

Слышны голоса врачей, работающих в реанимации.

Г о л о с а в р а ч е й: Давление падает... Зрачок не реагирует... Добавь глюкозу... Делаем прямой массаж сердца... Черт, мы его теряем...

Появляется Дух Емелина, временно в связи с клинической смертью отделившийся от тела и отправившийся в свободный полет.

Д у х. Ты кто? Куда ты меня зовешь? Никуда я не пойду с тобой, мне и здесь неплохо, вон как они вокруг меня колотятся, глядишь, и вытащат еще... Слушай, а ты ничего, симпатичная. Я бы даже сказал – красивенькая такая. Ты кто? Тебя как зовут? Ах ну да, ну да, я что-то такое читал про тебя в книжках. Ты смерть, что ли? Нет? А кто? А-а-а, понял... Слушай, а там что? Ну вон там, где свет. Хорошо там, говоришь? Ну ладно, пошли, посмотрим. Пошли, пошли, с такой красоточкой можно и сходить. Э, э, ты куда свернула-то? Там света нету, там вообще ничего не видно. Куда? Домой? Так положено? Вот здорово! Там Ольга, бедняжка, небось, убивается, плачет. Да, жалко ее, как она без меня останется, совсем ведь беспомощная, дурочка, ничего сама не может и не умеет. Ни образования, ни профессии. Маникюрша – это что, профессия? Да и то сказать, когда это было-то! Она как за меня замуж вышла, ни одного дня не проработала. Пыталась, правда, свое собственное дело наладить, я ей деньги давал, даже два раза, она помещение приобретала, ремонт делала, а потом прогорала месяца через два-три. Дурочка она у меня совсем, что с нее взять... Пропадет одна. Ни ума, ни профессии, ни денег. Избаловал я ее, сидела на моем содержании и горя не знала. Да что она, а все ее родственники бесконечные? То тетя в Чебоксарах болеет, нужны деньги на лечение, то племянник на Сахалине растет, нужно помочь оплатить сначала лицей, потом институт, то двоюродный брат в Тюмени чего-то такого натворил, в милицию забрали, дело возбудили, надо огромные взятки давать, чтобы его отмазать. То кто-то замуж выходит, надо свадебный подарок купить. И таких родственников штук двадцать набралось, и все к Ольге моей за помощью обращаются. Знают, что у нее муж при деньгах. Да мне не жалко, пусть пользуются, только бы сюда, в Москву, не приезжали ко мне на голову, терпеть этого не могу. Оккупируют квартиру со своими провин-

циальными замашками... Что, прилетели уже? А почему в квартире темно? Почему никого нет? А Оля где? Ах, не доехала еще из больницы... Ну да, ну да, мы же с тобой летели, а она-то на машине, да в пробках, небось, стоит. Ладно, подожду. Посмотрю, как она тут без меня управляется. Наверное, сейчас придет и начнет Сашке Скуратову звонить, кому ж еще, как не ему. Надо похороны организовывать, гроб заказывать, место на кладбище покупать, поминки и все такое... Интересно, какой гроб она мне закажет? Неужели обычный, красной тряпочкой обитый? Да нет, ума должно хватить на что-то попримечательнее, из цельного дуба, к примеру, и уголки чтоб золотые, и ручки. Ну, сама не догадается – Сашка подскажет, у него опыт есть. Елки-палки, она же телефона Сашкиного не знает! Как же она его найдет? Сейчас вечер субботы, на фирме никого нет, и спросить не у кого, как с ним связаться. Вот что значит иметь жену, далекую от бизнеса! С одной стороны, это хорошо, она ни во что не лезет, вопросов не задает, не проверяет, где ты и чем занимаешься, сказал – на переговорах, значит, так и есть. Но с другой стороны, вот случись что, как сейчас, она ж ни одного моего сотрудника, кроме Сашки Скуратова, не знает ни в лицо, ни по имени. Да и Сашку она никогда не видела, только от меня слышала, что это мой заместитель, моя правая рука. И ни одного телефона не знает, кроме моего мобильного. Может, догадается мне позвонить... Хотя что это я? Мобильник-то в приемном покое вместе со всеми вещами остался, а я тут. Эй, красоточка, а можно я ей на бумажке телефон Скуратовский напишу и на видном месте оставлю? Как зачем? Ну она же у меня такая беспомощная, ей и обратиться-то не к кому, только к Сашке, он уж знает, как и что нужно делать. Нельзя? А почему? Ах вон что... Бестелесная субстанция, говоришь... Выходит, я совсем бесплотный, мне даже карандаш взять нечем. А голос у меня есть? Тоже нету? А внешний вид? Тоже нету? Ох, елки-палки, а что же у меня есть? Ничего? Как это ничего? А чем же я с тобой разговариваю, слышь, симпатичная? Умом? Интересно... А чем я думаю? Всей субстанцией? Ни хрена не понял... О, кажется, лифт остановился на нашем этаже. Может, Оля приехала? Да, точно, она, ключ в замке лязгает. Господи, как подумаю, что она сейчас войдет вся заплаканная, убитая горем, глазки красные, мордашка опухшая от слез, плечи опущенные... прямо сердце разрывается, до чего мне ее жалко.

Хлопает дверь, слышны голоса.

О л ь г а: Есть хочу – умираю. Из-за этого урода даже поужинать не успела. Сейчас быстро приготовлю.

Д у х: С кем это она разговаривает? И потом, из-за какого урода она поужинать не успела? Кого она имеет в виду? Да что она там застряла в прихожей! Почему в комнату не идет?

Длинная пауза, во время которой Дух нервно ходит взад-вперед.

Наконец в комнату входит Ольга в сопровождении Скуратова. Ольга вытирает носовым платком след помады с его лица. Скуратов обнимает ее и производит ряд недвусмысленных действий.

О л ь г а: Не сейчас, Саня, подожди. Мы с тобой еще все успеем. С минуты на минуту Наташа придет, надо накрыть на стол и приготовить что-нибудь праздничное.

Д у х: Минутку, минутку, какая такая Наташа? Соседка, что ли? Да нет, соседку по-другому зовут. Кто такая Наташа? Не знаю я никаких Наташ! И как Скуратов здесь оказался? Неужели она ему из больницы позвонила? А номер телефона где взяла? И почему у Сашки помада на лице? И вообще, как он посмел, я еще не умер, а он уже ручонки свои загребушие к моей жене протягивает! Она же еще не вдова пока...

С к у р а т о в: Интересно, Лёлька, ты уже вдова или еще нет?

О л ь г а: А какая разница?

С к у р а т о в: Не знаю, говорят, есть разница. Я никогда с вдовами... это самое... не пробовал.

О л ь г а: Что, не терпится попробовать?

С к у р а т о в: Ну да. И вообще, мы с тобой сто лет не виделись. Я соскучился.

О л ь г а: Саня, мы виделись во вторник, а сегодня суббота. Всего четвертый день пошел.

С к у р а т о в: Какая ты неромантичная...

Д у х: То есть как это они виделись во вторник? С чего это они виделись во вторник? И почему я об этом ничего не знаю?

О л ь г а: Зато я практичная. И сейчас думаю не о романтике, а о том, что приготовить для праздничного ужина.

Ольга уходит в глубину сцены, где расположена кухня. Скуратов садится на диван, листает газету.

Д у х: Она думает о том, что приготовить на ужин... А как же я? Она что, обо мне вообще не думает? Я там лежу, понимаете ли, в реанимации, умираю, можно сказать, уже почти что умер, врачи там надо мной быются из последних сил, а она даже и не думает обо мне... Вот стерва! Кстати, что она там насчет ужина-то сказала? Что ужин – праздничный? Это по какому такому случаю, интересно знать? Эй, красивенькая, ты тут? Ты смотри не уходи никуда, не бросай меня одного, а то я дорогу обратно не найду, когда возвращаться придется.

Звонит телефон.

О л ь г а: Саня,ними трубочку.

С к у р а т о в: Да, слушаю вас... Да-да... И как там дела? Есть надежда? Спасибо вам большое, я надеюсь, вы будете держать нас в курсе. Да, спасибо. *(кладет трубку)*.

О л ь г а: Это из больницы?

С к у р а т о в: Да. Говорят, появились признаки улучшения.

О л ь г а: Ну-ну.

Д у х: Что «ну-ну»? Что «ну-ну», я тебя спрашиваю? Ты как реагируешь, уродина? Тебе сказали, что муж еще не умер, а ты?

С к у р а т о в: Он мужик крепкий, может, еще и выкарабкается.

Д у х: Вот! Не таков Емелин, чтобы сразу руки опускать! Я еще выкарабкаюсь, я вам еще покажу Кузькину мать. А то развели тут, понимаешь... Ужин праздничный, поцелуйчики в прихожей! Еще гостей каких-то назвали, которых я не знаю. Надо же, стоило только мне отвернуться – и все мои правила псу под хвост! Сколько раз я Ольге говорил: в мой дом могу входить только я. Ну и она, само собой. Никаких гостей, никаких родственников, никаких подружек ее дурацких чтобы тут и в помине не было! Я даже самых близких своих корешей сюда не приглашал, даже Скуратов – и тот ни разу здесь не был. А то придут, понимаешь, натопчут, грязь нанесут, а у меня – паркет натуральный, ковры. Трогать начнут все подряд, руки не помогут. Унитазом моим будут пользоваться... Терпеть этого не могу. Да, я такой, я безгливый, а ты, коль живешь на мои деньги, изволь с этим считаться. Вот так-то!

С к у р а т о в: Тебе помочь, Лёля?

О л ь г а: Не нужно, Санечка, я сама все сделаю. Ты отдохни пока, с мыслями соберись. У нас впереди много дел. Похороны, поминки... Надо все продумать, организовать.

С к у р а т о в: И то верно.

Д у х: Ты смотри, какая картинка разворачивается! Ну ребята, вы попали! То есть вы так попали, что вам даже в страшном сне не снилось. Правильно Сашка говорит, я мужик крепкий, через пару дней меня из реанимации в общую палату переведут, начнете вы ко мне с визитами бегать, вот тут-то я вам и покажу! Вы-то думаете, что я ничего про ваши шашни не знаю, будете мне минеральную водичку и апельсинчики таскать, смотреть на меня невинными глазками и заботливо спрашивать, как я себя чувствую, а я-то все знаю, все, все, все! И буду вами вертеть, как захочу, а вы под мою дудку плясать станете – и сами не заметите. Нет, дорогие мои, не родился еще человек, который меня бы перехитрил. Черт возьми, как вовремя я умирать-то затеялся, а? Вот помираю еще немножко, понаблюдаю за вами со стороны, а потом оживу, и начнется у вас такая жизнь, что небо с овчинку покажется! Вот так-то.

Скуратов расхаживает по комнате, рассматривает безделушки на полках, берет, вертит в руках.

Скуратов: Это кто покупал?

Ольга (из кухни): Ты о чем?

Скуратов: О вазочке с дурацкими цветочками.

Ольга: Емелин, кто же еще! Привез из Греции.

Скуратов: Надо убрать подальше это безобразие. Никакого вкуса!

Дух: Чего это «никакого вкуса»? А мне нравится. Красивенькая такая вазочка, и цветочки симпатичные.

Скуратов убирает вазочку подальше, в глубину полки.

Дух: Э, э, ты что делаешь? А ну поставь на место! Я кому сказал! Ты что в моем доме хозяйничаешь? Я еще не умер, а ты, понимаешь, тут свои порядки наводишь. Может, еще и не умру...

Скуратов: Лёля!

Ольга: Что, Санечка?

Скуратов: Слушай, у Емелина был золотой зажим для денег, такой массивный, с ониксом. Не знаешь, где он?

Дух: Где-где... Спрятан, вот где! Ты гляди, он уже на мои вещи пасть раззявил! Ничего у тебя не выйдет, друг Сашко, я свои вещи хорошо прячу, даже Ольга не знает, где что лежит.

Ольга: Зажим? Посмотри в ящике в комод. Средний ящик, где его носки лежат. Он все свои цапки в носки прячет.

Дух: Вот сука! Докопалась!

Скуратов выдвигает ящик комода, выбрасывает из него кучу носков и носовых платков, достает пакетик.

Дух: Э, алё, ты поаккуратней, не на обыске! Привычки-то свои милицейские забудь, ты в приличном доме все-таки. Чё ты все вывалил на пол, чё вывалил? Давай собирай все обратно, мент поганый!

Скуратов (рассматривая зажим): Я возьму его себе, ладно?

Ольга: Конечно, Санечка, бери. Мне он все равно не нужен, он же мужской.

Дух: Как это «бери»? Как это «ей не нужен»? А мне? Я что, уже не в счет, получается? А ну положь на место! И носки все с пола собери! Хам трамвайный! А?... Что?... Не слышит?... Ну да, ну да, я понимаю, что он меня не слышит, но молчать не могу! Понимаешь, красавица? Не могу молчать, когда такое на моих глазах творится! Это же чистое нарушение прав человека! Частная собственность – это святое. Я еще жив, а они уже мое имущество делят... ну ладно, ладно, не кипятись, уж и поговорить нельзя, тоже мне, строгая какая нашлась. Сама же говоришь, что они меня не слышат... Ты?... ТЫ слышишь?... Неприятно?... Ничего, перебьешься, потерпишь. Ладно, сгинь, не мешай, не отвлекай меня, Сашка еще в какой-то ящик полез, как бы не спер чего-нибудь, пока Ольга на кухне.

Скуратов открывает дверцу бара в мебельной стенке, достает бутылку дорогого коньяку, пачку сигарет и зажигалку.

Скуратов: Хороший коньячок, сейчас и выпьем по радостному поводу. А это что? Зажигалка, зажигалочка. Славненькая. Пригодится. А сигареты – дрянь, я такие не курю.

Скуратов кладет зажигалку себе в карман, сигареты бросает в бар и закрывает дверцу. Смотрит на разбросанные по полу носки и платки, ногой запикивает их под мебельную стенку.

Дух: Как это «дрянь»? Что значит «дрянь», я тебя спрашиваю? Да я эти сигареты в пятизвездочном отеле покупал, в Лондоне, двадцать пять долларов пачка! Понимал бы что-нибудь в хороших вещах, убудок! А зажигалку зачем в карман сунул, ворье недоделанное? Вот я оживу, вот уж я тебе все припомню. Друг называется!

Скуратов: Ну где твоя Наталья? Сколько можно ехать?

Ольга: Потерпи, сейчас она появится. Саня, на каком кладбище место будем покупать?

Дух: Вот-вот, это интересно, давайте обсудим, где вы будете меня хоронить.

Скуратов: Да на каком скажешь, на том и купим. Связи есть, деньги есть. А ты на каком хочешь? Небось, на Ваганьковском?

Дух: А что? Хорошо бы. Ольга наверняка хочет на Ваганьковском. Престижно... И лежать приятно, в хорошей-то компании чего ж не полежать. Да и в центре, Ольге ездить будет удобно, за могилкой ухаживать.

Ольга: Не угадал.

Дух: То есть как это он не угадал? Выходит, и я не угадал? А где же тогда? Неужели на Новодевичьем?

Скуратов: Неужели на Новодевичьем?

Ольга: Да ты с ума сошел! Буду я еще деньги на это тратить! Купим место где-нибудь подальше, на окраине. Там и подешевле, и попроще. Все равно я туда часто ездить не собираюсь.

Дух: Как это ты не собираешься туда часто ездить? Ты что такое говоришь? Жена называется! Ну змея, ну змея, прямо змеища...

Ольга: А вообще вот Наташа сейчас придет, с ней посоветуемся.

Скуратов: А что, у нее большой опыт в захоронении мужей?

Ольга: У нее большой опыт во всем. Ты не представляешь, что это за женщина!

Дух: Я тоже что-то плохо себе представляю, что это за женщина. Скорее бы уж она пришла, что ли... Не терпится посмотреть, что это за знакомая у моей жены, о которой я ничего не знаю. Кто же это может быть? А, понял! Если Ольга мне изменяет со Скуратовым, то где-то же они должны встречаться. Не ко мне же домой она его приводила... Нет, конечно, должна быть какая-то квартирка на стороне. Наверняка, Наташа эта – хозяйка квартиры, вот потому Ольга мне никогда про нее ничего и не рассказывала. Хотя нет, не сходится... Не сходится, не сходится... Ольга еще только собирается начать мне изменять. Это все Сашка – подонок эдакий, решил воспользоваться тем, что я умер, и подбивает клинья к моей жене. Ничего такого еще пока не произошло, и квартира им пока не нужна была. Значит, Наташа – это что-то другое. Да, минуточку, а как же свидание во вторник? Значит, это уже во вторник начиналось? Как же Скуратов узнал о том, что я в субботу умру? А ведь он наверняка знал, потому что иначе ни за что не осмелился бы крутить с моей женой. Ни за что не осмелился бы, я точно знаю. Я Сашку знаю как облупленного, мы с ним много лет знакомы, он на такое не способен. И вообще, он мой должник, я ему помог, руку помощи, можно сказать, протянул, в люди вывел, когда трудные времена настали. В милиции тогда зарплату через раз платили, да и что это была за зарплата? Слезы... А я его взял в свою фирму, сделал сначала начальником службы безопасности, потом своим заместителем, отдельный кабинет, секретарша, зарплата в валюте и все такое. И он мне за это до могилы предан. Не может он за моей спиной такие гадости делать, с моей женой роман заводить. А вот если бы он точно знал, что я умру со дня на день, тогда... Тогда... тогда... Выходит, он знал, что я умру. Выходит, он сам же все это и подстроил! Или не он, а Ольга. Час от часу не легче! Ну давайте, милые вы мои, любимые мои, говорите, обсуждайте меня, перемывайте мне косточки, вот я и узнаю сейчас, кто из вас меня отравил! Всё сейчас узнаю, всё подслушаю, а потом как оживу, да как прижму вас теплой спиной к холодной стеночке, да как схвачу за горло – всю оставшуюся жизнь будете у меня на цыпочках ходить и в глаза мне заглядывать. Но все-таки интересно, кто такая Наташа? Чего это вы замолчали? Врачи говорят, у меня улучшение наступило, с минуты на минуту придется обратно возвращаться в реанимацию, в собственное тело снова залезать, а я самого главного так и не узнал пока. Так что вы, ребята, не тяните, у меня времени в обрез.

Ольга: Ты что замолчал, Саня? Загрустил?

Скуратов: Да нет, просто немного нервничаю.

Ольга: С чего бы это? Боишься, что Емелин выживет?

Скуратов: И этого тоже. Знаешь, не хотелось бы...

Ольга: Так и мне не хочется. Саня, а нельзя сделать так, чтобы...

Скуратов: Чтобы что?

Дух: Чтобы что? Ну давай, не тяни, говори быстрее, время-то не казенное. Оно у меня сейчас на вес золота.

Ольга: Ну... чтобы если все плохо обернется, его в тюрьму посадили.

Дух: Что-то я не понял... если все плохо обернется, я умру. Разве покойников в тюрьму сажают? Неужели новый кодекс приняли? А я и не знал.

Скуратов: Если все сложится неудачно и Емелин выживет, мы что-нибудь придумаем.

Ольга: Что? Надо думать об этом сейчас, а не откладывать на потом.

Скуратов: Да мне как-то в голову ничего с ходу не приходит. И вообще, я не могу думать на пустой желудок. Вот поужинаем, посоветуемся с твоей Наташей, ты сама говоришь, что она умная...

Звонит телефон.

Дух: Неужели опять из больницы? Ой, не дай Бог скажут, что пора возвращаться, а я же еще самого главного не узнал – как они собираются меня в тюрьму упрятывать. И на Наташу эту не посмотрел. Умная, необыкновенная... Не бывает таких! А если и бывают, так я лучше на ней женюсь, а Ольгу брошу к чертовой матери, пусть ее Сашка содержит со всеми ее многочисленными родственниками и их многочисленными финансовыми проблемами. Сашку, конечно, тоже выгоню к чертям собачьим из своей фирмы, пусть где хочет, там и зарабатывает на содержание моей жены и ее родни.

Ольга: Я сама подойду. *(снимает трубку)*. Алло! Да, это я... Да, да... Снова хуже? Да, конечно, надежда умирает последней... Спасибо вам. Да, я надеюсь, что вы еще позвоните. *(кладет трубку)*.

Дух: Слава Богу! Мне опять хуже, душа в тело пока не возвращается. Можно еще попристутствовать на этом празднике неожиданных откровений.

Ольга: Слава Богу, ему опять хуже. Слушай, сколько ты им заплатил, чтобы они звонили с такой регулярностью? Сколько я имела дел с больницами, никогда в жизни они не звонят сами, особенно если больной в реанимации. Только если по знакомству.

Скуратов: Сколько надо – столько и заплатил. Не бери в голову. Главное, что они обещание выполняют и деньги свои отрабатывают.

Ольга: Саня, а нельзя было им заплатить, чтобы они... это... ну ты понимаешь.

Скуратов: С ума сошла! Это же статья! Звонить и сообщать жене о состоянии ее мужа за деньги – это нормально, а брать и давать деньги за то, чтобы муж не выжил, – за это можно сесть в два счета. При этом сядут все, и те, кто платит, и те, кто выполняет.

Ольга: Так никто же не узнает!

Скуратов: Лёлочка, когда тайной владеет такая куча народу, через две секунды тайна становится достоянием гласности. Кроме нас с тобой, об этом знали бы все врачи в реанимации, все сестры и нянечки. И уже через полчаса об этом узнали бы в милиции.

Ольга: По-моему, ты преувеличиваешь опасность. Лучше уж признайся, что у тебя пороку не хватило. Слабоват ты в коленках, Санечка.

Дух: Нет, вы слышали, что она несет? Вы слышали? Это ж надо быть такой дурой! Или стервой...

Скуратов: Ну что ты несешь! Ты или дура клиническая, или стерва первостатейная.

Дух: Во! Правильно, Сашок, так ей. Мы с тобой всегда были единомышленниками.

Ольга: И почему это я дура, объясни, пожалуйста. Ладно, со стервой я согласна, сама знаю. Но почему дура-то?

С к у р а т о в: Да потому что деньгами можно заткнуть рот одному человеку, а двоим уже нельзя. А если их больше двух – тогда тем более. Поверь моему опыту, Лёля, когда люди получают деньги за одно и то же, они тут же начинают сравнивать и негодовать, почему это им заплатили так мало, хотя сделали они так много. Ты же не будешь вызывать к себе всех врачей из реанимации и отдельно спрашивать каждого, сколько, дескать, вы хотите за то, чтобы Емелин не выжил? Ты позовешь кого-то одного, пообещаешь ему определенную сумму, а он потом эту сумму будет сам делить между остальными. И кто-то обязательно окажется недоволен, кому-то непременно покажется, что его обделили. Дальше все понятно. Твой Емелин еще из больницы не выйдет, а мы с тобой уже сядем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.